

А.В. Чудинов*

ВОССТАНОВЛЕНИЕ АРХИВА ЖИЛЬБЕРА РОММА ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ НИКОЛАЕМ МИХАЙЛОВИЧЕМ

Статья посвящена истории восстановления русским историком, великим князем Николаем Михайловичем, целостности ранее разрозненного архива Жильбера Ромма (1750-1795), видного французского революционера XVIII в. Работая над биографией Павла Строганова (1772-1817), выдающегося государственного и военного деятеля России эпохи Александра I, Николай Михайлович попытался собрать рассеянные по Франции и России бумаги личного архива Ромма, поскольку тот до Революции служил губернатором в доме Строгановых. При помощи французских историков Фредерика Массона и Франсуа Буайе великий князь сумел восстановить эту, казалось бы, безвозвратно утраченную уникальную коллекцию архивных источников по истории Франции и России XVIII в.

Ключевые слова: история, Франция, Россия, архив, великий князь Николай Михайлович, Ж. Ромм, П.А. Строганов, Ф. Массон, Ф. Буайе

В вышедшей несколько лет назад книге о необычном союзе двух видных персонажей истории соответственно Франции и России – Жильбера Ромма (1750-1795), некогда служившего губернатором у русских аристократов Строгановых, а затем ставшего знаменитым деятелем Французской революции, и его ученика, юного графа Павла Александровича Строганова (1772-1817), в зрелые годы – авторитетного государственного мужа и военачальника эпохи Наполеоновских войн, – значительное внимание уделено сложной и в чем-то даже трагичной судьбе личного архива Ромма, уникальной коллекции источников по истории второй половины XVIII в.¹ Я попытался тогда проследить пути, которыми в разное время уш-

---

*Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН; главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина.

¹ Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010. Гл. 1. См. также: Он же. «Русский принц» и француз-«цареубийца» (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998. С. 88-120; Tchoudinov A. Les papiers de Gilbert Romme aux archives russes // AHRF. 1996. N° 304. P. 257-265; *Idem.* Gilbert Romme et Pavel Stroganov. Histoire d'une rencontre vue par les historiens russes // Romme G. Correspondance. Vol. 2. T. 1. Clermont-Ferrand, 2014. P. 45-54.

ли на сторону отдельные части архива Ромма, порою, впрочем, вновь соединявшиеся затем с другими, словно капли ртути. Некоторые из этих путей получилось установить достаточно точно, некоторые, увы, лишь наметить пунктиром.

Однако исследования нередко продолжают даже после того, как книга закончена. Так случилось и с историей архива Ромма. Уже после выхода в свет монографии я наткнулся в Национальной библиотеке Франции на малотиражное издание переписки русского великого князя Николая Михайловича (1859-1919) и французского исследователя наполеоновской эпохи Фредерика Массона (1847-1923), опубликованное «Ассоциацией друзей» последнего (*Association des amis de Frédéric Masson*)². Отдельные фрагменты этой корреспонденции проливают свет на то, каким образом Николаю Михайловичу, работая над жизнеописанием П.А. Строганова³, удалось почти невозможное – практически полностью восстановить целостность ранее разрозненной и, казалось бы, навсегда утраченной коллекции документов Ромма. Предлагаемый ниже вниманию читателей рассказ о столь удивительном научном достижении существенно уточнит ту картину перемещений бумаг знаменитого революционера, что была ранее представлена в моей книге.

Краткая предыстория этих событий такова. После трагической гибели Ромма в 1795 г. его архив попал к жившему в Оверни племяннику революционера – Жан-Батисту Тайану, тоже бывшему якобинцу и большому поклоннику своего героического дяди. С кончиной Ж.-Б. Тайана (1849) бумаги перешли к одному из четырех его сыновей, а в 1870-е гг. оказались у единственного внука – адвоката Артюра Тайана, который, очевидно не испытывая ни малейшего пиетета к памяти Ромма, легко расстался с ними. Как свидетельствует современник, известный историк Революции Марселен Пелле: «Г-н Тайан, человек весьма богатый, нимало не озаботившись тем, чтобы передать в публичную библиотеку документы, волею случая оказавшиеся в его распоряжении, продал их писателю-легитимисту г-ну Марку де Виссаку за смехотворную сумму 400 франков – иначе говоря, ценнейшие автографы Жильбера Ромма, его личные письма, способные если не скомпрометировать, то, по меньшей мере, огорчить некоторые

² Correspondance entre le grand-duc Nicolas Mikhaïlovitch de Russie et Frédéric Masson, 1897-1914. P., 2005.

³ *Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов*. Т. 1-3. СПб., 1903.

почтенные семейства, его неопубликованные научные и политические сочинения, его переписка с коллегами по Конвенту пошли по цене чуть более 30 су за фунт»⁴.

Марк де Виссак, однако, нашел достойное применение попавшему в его руки сокровищу, написав на основе этих документов первую научную биографию Ж. Ромма⁵. Работая над ней, он тщательно систематизировал всю коллекцию. До сих пор исследователям, изучающим в архивах России, Франции, Италии и Японии документы этого, некогда единого фонда, помогают ориентироваться в нем подписи на папках и краткие аннотации, сделанные рукой де Виссака. Ни один из авторов, занимавшихся в дальнейшем данной темой, не располагал таким богатством источников, как он. Именно поэтому его книга до сих пор представляет определенный интерес для биографов Ромма.

Однако издав ее, де Виссак своими руками уничтожил то, что определило главное достоинство его работы – целостность положенной в ее основу коллекции документов. После выхода в свет монографии де Виссак раздробил архив Ромма, распродав его содержимое малыми частями. Сегодня уже невозможно проследить все те пути, по которым ушли тогда бумаги Ромма. Констатируем лишь, что часть их рассеялась в Оверни по местным краеведам-любителям, часть была реализована мелкими лотами через аукционы торгового дома Эжена Шаравэ в Париже, часть попала в руки именитых российских коллекционеров-антикваров – Ивана Ираклиевича Куриса (1841-1898) и князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1824-1896)⁶.

Знаменитый российский дипломат, сделавший за свою жизнь блестящую карьеру от секретаря посольства до министра иностранных дел Российской империи, А.Б. Лобанов-Ростовский, несмотря на большую загруженность государственными делами, был активно практикующим историком и выпустил целый ряд исследований и научных публикаций по истории России конца XVIII в.⁷ Возможно, приобретая бумаги Ж. Ромма (по меньшей

⁴ *Pellet M.* La jeunesse du conventionnel Romme // *Pellet M. Variétés révolutionnaires*. Vol. 1. P., 1885. P. 255-256.

⁵ *Vissac M., de.* Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883.

⁶ Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Жильбер Ромм и Павел Строганов. С. 18-26.

⁷ См.: *Уманский А.М.* Русский министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. СПб., 1896. С. 21-24.

мере 121 письмо⁸), Лобанов-Ростовский предполагал использовать их в качестве источника для одной из своих будущих работ. Но, если такое намерение у него и было, скорострительная смерть не позволила планам осуществиться. После кончины бездетного князя его архив, включавший в себя и документы Ромма, был включен в состав Библиотеки Зимнего дворца.

Менее определенное будущее могло ожидать ту часть архива Ромма, что попала к И.И. Курису. Нет, при жизни самого Ивана Ираклиевича бесценным документам ничего не угрожало: шталмейстер императорского двора и предводитель дворянства Херсонской губернии был известен не только как просвещенный меценат, но и как истовый коллекционер старинных книг, рукописей, картин и различных антикварных редкостей⁹, прекрасно понимавший значение попавших к нему раритетов. Однако после смерти И.И. Куриса в 1898 г. часть его коллекции была передана вдовой в общественное достояние, а часть осталась в семье и после 1919 г. была утрачена¹⁰. Если бы документы Ромма до того времени не ушли из рук Курисов, возможно, их ожидала бы такая же судьба.

Так или иначе, в 1902 г., когда великий князь Николай Михайлович приступил к сбору источников для написания биографии П.А. Строганова, личный архив Ромма давно уже прекратил свое существование как нечто целое.

Внук Николая I и дядя царствовавшего Николая II, великий князь Николай Михайлович был известен своими либеральными взглядами и необычным для члена императорской семьи увлечением. Проведя 28 лет в армии и имея за плечами опыт участия в боевых действиях на Азиатском театре Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., он, однако, всю жизнь питал любовь не к воинским экзерсисам, а к гуманитарным штудиям, которым смог посвятить себя уже в довольно зрелом возрасте. Его брат, великий князь Александр Михайлович, позднее так описывал интересы и страсти этого, едва ли не наиболее экстравагантного из представителей императорской фамилии:

⁸ В настоящее время эти документы находятся в Государственном архиве Российской Федерации: Ф. 728 Библиотека Зимнего дворца. Оп. 1. Дд. 274, 292, 311-313, 320, 324, 327, 342, 349. Перечень их см.: *Romme G. Correspondance / Édition établie par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy et A. Tchoudinov. Vol. 1. Clermont-Ferrand, 2006. T. 1. P. 84-85.*

⁹ *Чистяков Б.М. Иван Ираклиевич Курис и его коллекция. Л., 1932. С. 3.*

¹⁰ См.: *Красюков Р.Г. Дворянский род Курисов (историческая справка) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 7. С. 147.*

«Мой старший брат Николай Михайлович был, несомненно, самым “радикальным” и самым одаренным членом нашей семьи. Моя мать мечтала о его блестящей военной карьере, и, чтобы доставить ей удовольствие, мой брат Николай окончил военное училище с отличием. Однако истинное его призвание было в отвлеченных исторических изысканиях. Он служил в Кавалергардском полку только вследствие его дружеских отношений с Императрицей Марией Федоровной (моей тещей) и носил звание командира этого полка. Он был настолько выше в смысле умственного развития своих товарищей-однополчан, что это лишало его всякого удовольствия в общении с ними. Постепенно он отдалялся от связей с военным миром и проводил все свое время в исторических архивах С. Петербурга и Парижа. <...> Французская Академия избрала его своим членом – честь, которой почти никогда не удостоивались иностранцы, и его всегда осыпали приглашениями прочесть лекции во французских исторических обществах. Его глубокие познания в области французской культуры и его зрелое понимание римской цивилизации помогло ему завязать дружбу со многими выдающимися французскими писателями и учеными. В Париже он чувствовал себя, как дома <...>. Истина заключалась в том, что он родился не в той стране, где ему следовало бы родиться. В гвардии ему дали прозвище “Филиппа Эгалитэ”, но авторы этого прозвища не подозревали, что их царственный однополчанин шел в своем демократизме гораздо дальше, нежели брат французского короля, который мечтал воспользоваться революцией, как трамплином для достижения собственных честолюбивых планов. Мой брат Николай обладал всеми качествами лояльнейшего президента цивилизованной республики, что заставляло его часто забывать, что Невский проспект и Елисейские поля — это далеко не одно и то же»¹¹.

Либеральные наклонности проявились и в выборе великим князем тематики исследований. Николая Михайловича особенно привлекало «дней александровых прекрасное начало» – эпоха реформ Александра I, и свои первые труды он посвятил деятелям этого времени. В 1901 г. он выпустил в свет книгу о князьях Долгоруких¹², после чего приступил к работе над биографией П.А. Строганова.

В марте 1902 г., находясь в Париже, Николай Михайлович сообщил Ф. Массону о своем желании найти документы из архива

¹¹ Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. Париж, 1933. Гл. 9.

¹² Николай Михайлович, вел. кн. Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра в первые годы его царствования. СПб., 1901.

Ж. Ромма, содержащие сведения о Строганове. К тому времени, российский и французский историки были знакомы уже пять лет и, даже находясь вдали друг от друга, поддерживали постоянное общение через переписку¹³. Однако на сей раз просьба помочь в поиске бумаг Ромма была высказана, очевидно, в разговоре. Массон обещал навести справки у своего овернского коллеги Франсуа Буайе (1847-1903), в соавторстве с которым годом ранее издал двухтомник военных мемуаров графа Ипполита д'Эпиншала¹⁴. Обо всем этом мы можем судить по письму Массона великому князю от 12 марта 1902 г.¹⁵, отправленному после получения ответа Буайе: «Если Ваше Императорское Высочество бросит взгляд на прилагаемое здесь письмо, то увидит, что я постучался в правильную дверь и что, бесспорно, Вы сможете получить таким путем всё, что осталось у Ромма от Строганова. Хотите ли Вы, чтобы я поискал у Шаравэ и в [Национальной] Библиотеке? В любом случае, полагаю, что здесь имеется богатая жила и можно будет приобрести всё это за небольшую сумму. <...> Что касается документов Ромма, я думаю получить их завтра утром: пусть Великий князь даст соответствующие распоряжения»¹⁶.

Упомянутые в письме документы, очевидно, были благополучно доставлены, так как больше о них в корреспонденции речь не заходила. Однако это было только начало. Буайе взялся за дело всерьез, и месяц спустя, 12 апреля, Массон сообщил Николаю Михайловичу о новых находках: «Я получил еще один небольшой пакет из Клермона с портретами и автографами. Напоминаю имя отправителя – Франсуа Буайе из Вольвика, Пюи-де-Дом. Если Великий князь желает, как он мне о том говорил, отправить ему деньги за всё вместе, то это будет замечательно. Куда выслать небольшой пакет, полученный накануне?»¹⁷.

Письмо Массона догнало Николая Михайловича уже в Петербурге, где тот находился проездом по пути в свое поместье Боржом в Тифлисской губернии. 18 апреля великий князь ответил: «Что касается бумаг, портретов и автографов из Клермона, то их

¹³ *Vogel N.* Introduction // *Correspondance entre le grand-duc Nicolas Mikhaïlovitch de Russie et Frédéric Masson.* P. 8.

¹⁴ *Espinchal H., d'.* *Souvenirs militaires, 1792-1814* / Publ. par F. Masson et F. Boyer. P., 1901. 2 vol.

¹⁵ Эта и все последующие даты приводятся по новому стилю.

¹⁶ *Correspondance entre le grand-duc Nicolas Mikhaïlovitch de Russie et Frédéric Masson.* P. 160.

¹⁷ *Ibid.* P. 165.

можно отправить прямо в Тифлис на мой адрес. Я написал Буайе в Вольвик, но еще не получил ответа. Куда надо ему отправить деньги?»¹⁸.

22 апреля Массон доложил великому князю о новых находках неугомонного овернца: «Согласно господину Буайе (Вольвик, Пюи-де-Дом), есть шансы найти еще что-нибудь. Я ему написал, чтобы он обращался напрямую к Вашему Императорскому Высочеству. Завтра я отправлю почтой пакет, который мне прислал Буайе. Там были портреты Ромма, плохого качества и сделанные не при его жизни. Я сказал ему [Буайе], чтобы он искал лучше и крутился [как следует]»¹⁹.

Впрочем, Буайе не нуждался в подобных призывах и «крутился» сам не за страх, а за совесть. Четыре дня спустя, 26 апреля, Массон сообщает великому князю новые вести из Оверни: «Вы уже получили, я полагаю, письмо Франсуа Буайе от 21-го, извещающее о находке миниатюры Строганова и, как говорит он, множества других вещей. Думаю, он довел до Вашего Императорского Высочества все полезные детали, в противном же случае я нахожу его письма достаточно интересными для того, что Вам их переправить»²⁰.

Очевидно, не в последнюю очередь пыл Буайе поддерживали солидные материальные вознаграждения, получаемые им от великого князя за находки. 5 мая Николай Михайлович сообщал Массону: «Буайе мне писал дважды, но известил, что о Строганове больше ничего нет, и смутно упомянул о нескольких портретах, которые ему не удалось добыть у своих знакомых. Честно говоря, письмо слишком невразумительно, и я ничего не разобрал, кроме вознаграждения в 400 франков, которое я ему уже оправил. Таким образом, если у Вас есть что-то более позитивное или какие-то бумаги, которые он Вам передал, отправьте мне всё в Тифлис. Тем временем я попытаюсь прояснить непонятные моменты его послания»²¹.

12 мая Массон откликнулся на сетования своего корреспондента, постаравшись его успокоить: «Я удивлен тем, что Буайе перестал внятно изъясняться, и полагаю, что он робеет, обращаясь к Вашему Императорскому Высочеству. К настоящему моменту Вы уже

¹⁸ Ibid. P. 167.

¹⁹ Ibid. P. 168.

²⁰ Ibid. P. 171.

²¹ Ibid. P. 169.

должны были увидеть и подержать в руках дивный портрет Строганова и бесценную серию российских пейзажей и интерьеров – всё в фотокопиях. Вы знаете, что бумаги обнаружены и могут быть куплены. <...> Что касается Строганова, то я не вижу, что могло бы Вас пугать. В тот момент, когда Вы объедините, скопируете и классифицируете обширную документацию, которую собрали, лишнее отсеется само собой, и останется блестящая коллекция, достойная той Истории, что прольет свет не только на одного из самых интересных персонажей своего времени, но и на эпоху в целом и всех тех людей, что окружали главного героя»²².

Диалог между Буайе и Николаем Михайловичем, действительно, очень быстро наладился, и уже 23 мая последний написал Массону из Тифлиса: «С Буайе всё идет хорошо, мы вошли в регулярную переписку и, наконец, стали понимать друг друга»²³. То же великий князь подтвердил и в письме от 29 мая: «С Буайе всё наладилось, и наша переписка идет легко. Он мне прислал фотографии российских пейзажей и портрет Строганова. Я веду с ним переговоры о том, чтобы он продал мне оригиналы, но, боюсь, не преуспею в этом»²⁴.

Между тем, на руках у Николая Михайловича оказалось более чем достаточно материала для того, чтобы начать работу над книгой. В том же письме Массону от 29 мая он сообщил: «Я плотно работаю над биографией Строганова и опасаясь, что она приобретет гигантские размеры, особенно в части приложений, где будет множество совершенно новых документов. Боюсь, книгу придется публиковать в двух томах. Если лето сложится благоприятно, и я смогу работать без перерывов, которыми всегда чревата военная карьера, я надеюсь преодолеть все трудности и закончить рукопись к зиме. <...> В настоящий момент занимаюсь исключительно главами о Строганове-отце, о Ромме и его системе воспитания»²⁵.

Тем временем «волшебный горшочек» в Оверни продолжал «варить», засыпая великого князя всё новыми находками. 30 мая Массон в очередной раз сообщил о них Николаю Михайловичу: «Что касается Буайе, то я получил от него письмо с приложением, которое, мне кажется, может Вас заинтересовать и которое я беру

²² Ibid. P. 172-173.

²³ Ibid. P. 175.

²⁴ Ibid. P. 176.

²⁵ Ibid. P. 175.

на себя смелость Вам переправить. Запрошенную цену я нахожу абсурдной, но важно, что эти предметы были найдены. Итак: портрет Строганова, бумаги, рисунки, картины, медали – у вас будет всё»²⁶.

А поток раритетов всё не иссякал, по поводу чего Массон в письме от 18 июня пошутил, используя игру слов: «Полагаю, Буайе нашел еще кое-что. Если бы я его не знал, я бы решил, что он задумал конкурировать в производстве Ромма с бывшей Мартиникой»²⁷.

Некоторое представление о том, сколь дотошно Буайе прочесывал закрома Оверни в поисках антиквариата, имеющего отношение к Павлу Строганову и Ромму, нам дает единственное из дошедших до нас его писем великому князю:

«Вольвик, 2 июля 1902 г.

Ваша Светлость,

Смею надеяться, что прилагаемые ниже документы окажутся небезынтересны для Вашего Императорского Высочества. Письма Салля (Salles)²⁸ и выдержки из корреспонденции Демишеля (Démichel)²⁹ изобилуют подробностями, которых нет в книге г-на де Виссака. Эта корреспонденция Демишеля в целом заслуживает особого внимания. Так же, как и корреспонденция Буара (Boirat)³⁰. Одно время все эти бумаги находились в моей собственности, но я продал их, когда серьезные убытки вынудили меня расстаться с большей частью коллекций, собиравшихся с такой любовью. Впрочем, быть может, я смогу получить доступ к оригиналам. В любом случае, если Ваше Императорское Высочество пожелает, я мог бы заказать изготовление копий под своим присмотром тому же самому молодому чело-

²⁶ Ibid. P. 177.

²⁷ Ibid. P. 184. В прошлом Мартиника была одним из главных производителей рома в мире.

²⁸ Салль – владелец типографии в Риоме. По-видимому, речь идет о его 11 письмах Ромму за 1779-1789 гг., находящихся ныне в РГАДА: Ф. 1278 Строгановы. Оп. 3. Д. 4. Лл. 50-62. Об этом, кстати, говорит и то, что в указанном архивном деле имеется написанная рукою Ф. Буайе биографическая справка об одном из лиц, упоминаемых в корреспонденции (См.: Там же. Л. 82). Однако ранее эти бумаги, очевидно, также принадлежали де Виссаку, поскольку именно его почерком написана приложенная к ним биографическая справка о самом Салле (Там же. Лл. 48-49).

²⁹ По-видимому, здесь идет речь о выдержках из писем Ж. Демишеля своему (и Ромма) другу и постоянному корреспонденту, директору риомской почты Г. Дюбрёлю. Теперь эти выписки хранятся в РГАДА (Ф. 1278 Строгановы. Оп. 3. Д. 14), как, впрочем, и два объемистых тома самой корреспонденции (Там же. Дд. 1, 17).

³⁰ Буара – риомский врач, друг и корреспондент Ромма. Их переписка находится теперь в Отделе западных рукописей Национальной библиотеки Франции (BN. MSS. NAF. D. 4789).

веку, который делал уже посланные ранее Вашему Императорскому Высочеству выписки из каталога коллекции минералов³¹. С учетом умеренных расходов на дорогу и пребывание, такая копия, сделанная человеком, знакомым с именами и событиями, о которых там идет речь, будет стоить не дороже, чем если ее бы изготовил обычный копиист. Разумеется, копирование этих трех больших томов обойдется никак не меньше, чем в 500 фр. Правда, находясь из-за некоторых печальных обстоятельств в весьма стесненной ситуации, я не в состоянии оплатить авансом расходы на дорогу и пребывание. Что же касается прилагаемых ниже документов, то я оцениваю их стоимость в 200 франков.

Я прошу, Сударь, извинить меня за то, что вдаюсь в детали злосчастных финансовых вопросов. К этому меня вынуждает исключительно бремя жестоких обстоятельств.

Обнаружить хоть какие-либо следы портрета г-жи Ромм, матери [Жильбера – *А. Ч.*]³², оказалось невозможным. Также выяснилось, что у наследника г-на По (Рау), являющегося собственником знаменитых медалей³³, нет никаких бумаг [Ромма – *А. Ч.*]. И хотя ранее его брат приобрел один очень важный лот, в который входили многие работы о России, этот аббат, однако, не придал значения ничему, кроме медалей, и не сохранил бумаги у себя. Подобное рассеивание [документов – *А. Ч.*] на протяжении почти двадцати лет только усиливалось. Я знаю эти подробности от одного связанного с семьей г-на По адвоката, который мне даже сообщил следующее: в обмен на медали и бумаги аббат получил старинную материю священных покровов, а именно – покрывало потира с золотой вышивкой и кабошонами.

Если здесь Вашему Императорскому Высочеству нечего и надеяться на обнаружение этих документов, то взамен Вы можете утешиться приобретением миниатюрного портрета Строганова. Достаточно только написать об этом г-ну Шарлю Гуайону (Gouyon), адвокату, бывшему помощнику (*adjoint*) [мэра (?) *А. Ч.*] в Риоме (Пюи-де-Дом), чтобы г-н Гуайон поспешил пойти навстречу желаниям Вашего Императорского Высочества. Учитывая положение и состояние г-на Гуайона, вопрос о цене за портрет, который он будет

³¹ Нынешнее местонахождение этого документа мне установить не удалось.

³² Вероятно, имеется в виду портрет, написанный А.Н. Ворониным в 1786 г. (см.: *Vissac M., de. Op. cit. P. 101*).

³³ По-видимому, речь идет о серии портретов-миниатюр членов семьи Ромма, выполненной А.Н. Вороным и находящейся теперь в Музее Манде (Mandet) Риома.

счастлив предложить Вашему Императорскому Высочеству, не вызовет затруднений³⁴.

С глубочайшим уважением к Вашему Императорскому Высочеству,
Ваш покорнейший слуга
Франсуа Буайе³⁵».

В конце концов, Николай Михайлович, действительно, оказался в положении героя сказки, мечтающего остановить «волшебный горшочек», но не знающего необходимых для этого слов. «Как Вы совершенно справедливо заметили в отношении документов Ромма, – пишет он Массону 21 июля, – у меня их слишком много и я не знаю, что с ними делать. Бравый Буайе бомбардирует меня письмами, я ему отвечаю, пытаюсь умерить его пыл, но ничего не помогает, и ко мне продолжает поступать сюда бумажный хлам (*paperasses*) из самых недр овернской глубинки. Мало любопытных документов; в основном бесполезная масса, мало связанная с тем сюжетом, которым я занимаюсь»³⁶.

Помимо Оверни Николай Михайлович искал бумаги архива Ромма и в других местах, о чем мы можем судить по его письму Массону от 10 июня: «У меня нет старых каталогов Шаравэ, и я благодарю Вас за присылку карточки, которую я возвращаю Вам в приложении. Шаравэ стал высылать мне новые каталоги, но в них нет ничего о Строгановых»³⁷.

Попала в поле зрения великого князя и та часть архива Ромма, что ранее уже оказалась в России. Если доступ к соответствующим документам, приобретенным в свое время князем А.Б. Лобановым-Ростовским и находившимся теперь в Библиотеке Зимнего дворца, не составлял проблемы для члена императорской фамилии, то обнаружение бумаг Ромма в коллекции И.И. Куриса стало для Николая Михайловича приятным сюрпризом, которым он поделился с Массоном в письме от 2 июля: «Благодаря величайшей случайности я узнал, что покойный предводитель дворянства Херсона г-н Курис владел собранием бумаг, ранее принадлежав-

³⁴ Адресат письма в дальнейшем все-таки приобрел этот портрет: в его книге имеется соответствующая репродукция «с миниатюры, принадлежавшей Ромму, ныне составляющей собственность великого князя Николая Михайловича». – *Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов*. Т. 1. С. 54-55.

³⁵ РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. 3. Д. 20. Лл. 1-3. Впервые опубликовано в статье: *Чудинов А.В.* «Русский принц» и француз-«цареубийца». С. 101-103.

³⁶ *Correspondance entre le grand-duc Nicolas Mikhaïlovitch de Russie et Frédéric Masson*. P. 189.

³⁷ *Ibid.* P. 187.

ших Ромму, которые приобрел во Франции в то же самое время, что и покойный князь Лобанов. Не слишком доверяя этой информации, я написал вдове Куриса, живущей в деревне на юге России, и был очень удивлен, когда эта добрая женщина прислала мне перевязанную стопку манускриптов в полнейшем порядке, из которых кое-какие по-настоящему интересны. Прилагаю здесь список этих документов»³⁸.

К осени книга Николая Михайловича была закончена. 18 сентября автор сообщил Массону, что в середине ноября она уйдет в печать³⁹. По ходу работы сочинение выросло до трех томов, большую часть которых составляли впервые публикуемые документы. Два года спустя биография П.А. Строганова вышла также в Париже на французском языке с предисловием Ф. Массона⁴⁰.

Во введении к своему труду великий князь имел полное основание похвастаться: «Мне удалось приобрести все бумаги, по которым писал свою книгу де Виссак, а также документы, купленные у некоего Франсуа Бойе (François Boyer) в Оверни, департамента Пюи-де-Дом, которые оказались у него, как у собирателя всех документов, касающихся великой революции этого департамента»⁴¹.

Действительно, в силу ряда удачно совпавших обстоятельств – усердию Франсуа Буайе, эрудиции Фредерика Массона и щедрости самого Николая Михайловича – последнему удалось в ходе работы над биографией П.А. Строганова получить непредвиденный, но блестящий научный результат: он сумел практически полностью восстановить, казалось бы, безвозвратно утраченный личный архив Ромма.

Впрочем, фортуна переменчива: через полтора десятка лет в России произойдет революция, и либеральное фрондирование по отношению к Двору так же не спасет русского «Филиппа Эгалите», как когда-то не спасло французского. После того, как большевики расстреляют Николая Михайловича, восстановленная им с таким трудом коллекция бумаг Ромма вновь разлетится по городам и странам. Но эту историю я однажды уже рассказывал⁴².

³⁸ Ibid. P. 179.

³⁹ Ibid. P. 197.

⁴⁰ *Nicolas Mikhailovitch de Russie, grand duc. Le comte Paul Stroganov / Précédée d'un avant-propos par F. Masson. P., 1905. 3 vols.*

⁴¹ *Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Т. 1. С. 39-40.*

⁴² См: *Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. Гл. 1.*

Список литературы

- Александр Михайлович, вел. кн.* Книга воспоминаний. Париж: Иллюстрированная Россия, 1933. [Aleksandr Mihajlovich, vel. kn. Kniga vospominanij. Parizh: Illjustrirovannaya Rossiya, 1933].
- Красюков Р.Г.* Дворянский род Курисов (историческая справка) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 7. С. 141-159. [Krasjukov R.G. Dvoryanskij rod Kurisov (istoricheskaya spravka) // Iz glubiny vremen. SPb., 1996. Вып. 7. S. 141-159].
- Николай Михайлович, вел. кн.* Граф Павел Александрович Строганов. Т. 1-3. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1903. [Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov. T. 1-3. SPb.: ENkspediciya zagotovleniya gos. bumag, 1903].
- Николай Михайлович, вел. кн.* Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра в первые годы его царствования. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1901. [Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Knyaz'ya Dolgorukie, spodvizhniki imperatora Aleksandra v pervye gody ego carstvovaniya. SPb.: ENkspediciya zagotovleniya gos. bumag, 1901].
- Уманский А. М.* Русский министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. СПб.: Тип. М. Пайкина, 1896. [Umanskij A.M. Russkij ministr inostrannyh del knyaz' A. B. Lobanov-Rostovskij. SPb.: Tip. M. Pajkina, 1896].
- Чистяков Б.М.* Иван Ираклиевич Курис и его коллекция. Л.: Северо-западный отдел ВОФ, 1932. [Chistyakov B.M. Ivan Iraklievich Kuris i ego kollekcija. L.: Severo-zapadnyj otdel VOF, 1932].
- Чудинов А.В.* Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М.: Новое литературное обозрение, 2010. [Tchoudinov A.V. Zhil'ber Romm i Pavel Stroganov: istoriya neobychnogo soyuza. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010].
- Чудинов А.В.* «Русский принц» и француз-«цареубийца» (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М.: ИВИ РАН, 1998. С. 88-120. [Tchoudinov A.V. «Russkij princ» i francuz-«careubijca» (Istoriya neobychnogo soyuza v dokumentah, issledovaniyah i hudozhestvennoj literature) // Istoricheskie ehtyudy o Francuzskoj revolyucii. Pamyati V.M. Dalina (K 95-letiyu so dnya rozhdeniya). M.: IVI RAN, 1998. S. 88-120].

- Correspondance entre le grand-duc Nicolas Mikhaïlovitch de Russie et Frédéric Masson, 18971914. Paris : Bernard Giovangeli Éditeur, 2005.
- Espinchal H., d'*. Souvenirs militaires, 1792-1814 / Publ. par F. Masson et F. Boyer. Paris: Société d'éditions littéraires et artistiques, 1901. 2 vol.
- Nicolas Mikhaïlovitch de Russie, grand duc*. Le comte Paul Stroganov / Précédée d'un avant-propos par F. Masson. Paris: Impr. nat., 1905. 3 vols.
- Pellet M.* Variétés révolutionnaires. Vol. 1. Paris : F. Alcan, 1885.
- Romme G.* Correspondance / Édition établie par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy et A. Tchoudinov. Vol. 1. Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Blaise-Pascal, 2006. T. 1.
- Tchoudinov A.* Les papiers de Gilbert Romme aux archives russes // *Annales historiques de la Révolution française*. 1996. N° 304. P. 257-265.
- Tchoudinov A.* Gilbert Romme et Pavel Stroganov. Histoire d'une rencontre vue par les historiens russes // Gilbert Romme. Correspondance. Vol. 2. T. 1. Clermont-Ferrand, 2014. P. 45-54.
- Vissac M., de.* Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand : Dilhan-Vivès, 1883.
- Vogel N.* Introduction // Correspondance entre le grand-duc Nicolas Mikhaïlovitch de Russie et Frédéric Masson, 18971914. Paris, 2005. P. 7-12.

Alexander V. Tchoudinov

RESTORATION OF THE GILBERT ROMME ARCHIVE BY GRAND DUKE NIKOLAI MIKHAILOVITCH

The article is devoted to the history of the restoration of the integrity of the previously dispersed personal archive of Gilbert Romme (1750-1795), a prominent French revolutionary of the 18th century, by the Russian historian, Grand Duke Nikolai Mikhailovich. Working on the biography of Pavel Stroganov (1772-1817), an outstanding state and military figure of Russia of the epoch of Alexander I, Nikolai Mikhailovich tried to collect scattered in France and Russia papers of Romme, who had served before the Revolution as tutor in the Stroganov house. The Grand Duke, with the help of the French historians Frederic Masson and François Boyer, succeeded in the restoration of this seemingly lost unique collection of archival sources concerning the French and Russian history of the 18th century.

Keywords: history, France, Russia, archive, Grand Duke Nikolai Mikhailovich, G. Romme, P.A. Stroganov, F. Masson, F. Boyer